

18+

**ТРИЛОГИЯ
«ЛЮТЕВИЛЛЬ»**

Лина Ду

Лина Ди

Трилогия «Лютевилль»

«Издательские решения»

Ди Л.

Трилогия «Лютевилль» / Л. Ди — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-553300-5

Трилогия «Лютевилль» в одной книге. Это сборник из 27 рассказов-зарисовок о жизни выдуманного города в Западной Европе первой половины XX века. Иллюстрации в трилогии сделаны Monaskrel' art.

ISBN 978-5-00-553300-5

© Ди Л.

© Издательские решения

Содержание

«Лютевилль»	7
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Трилогия «Лютевилль»

Лина Ди

© Лина Ди, 2023

ISBN 978-5-0055-3300-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero



«Лютевилль»

Название – «Лютевилль»

Автор – Лина Ди.

Редактор – Елена Бородина.

Иллюстратор – Monaskrel' art;

«Лютевилль» – это первый из трёх сборников рассказов, состоящий из 9 рассказов-зарисовок о жизни выдуманного города в Западной Европе первой половины XX века:

- Её рука жила отдельной жизнью;*
- Гном в коробке;*
- Старуха в серой шляпе;*
- Принцы Лютевилля;*
- Жук скарабей и особый список;*
- Горящие кружева;*
- Мямля;*
- Всему своё время;*
- Лютевилль: день города;*

Обычный, хотя и немного странный город «Лютевилль» соткан из тайн, невидимых неосведомлённому наблюдателю, который, скорее всего, отметит, что от его умиротворённости веет каким-то лютым присутствием...

Каждый живущий здесь – необычен, и играет в жизни города свою особую роль.

В то же время, всем здесь – как и в любом другом уголке мира – свойственны пороки, всех мучают страхи, и всеми движут сильные чувства.

Жизнь кажется вполне размеренной, когда внезапно необычные способности словно покидают людей – никто из них не ощущает приближение беды, что стучится к ним в день ежегодного праздника города...

Её рука жила отдельной жизнью

Она медленно вытянула руку вперед таким образом, что выплывающая кисть распустила веером пальцы, начиная с указательного.

Длинные, ухоженные пальцы с красным маникюром в тон губной помаде щекотнули воздух и вернулись в исходное положение вместе с остальной частью руки, замирая в неопределённом жесте.

«Кукла», державшая в собственности свою самостоятельную руку, любила Голливудский шик. На это указывало её элегантное платье в пол серебристого цвета, светлые завитые локоны в виде волн, ниспадающие с плеч, дугообразная форма бровей, эталонно совпадающая с формой верхней губы, и точно очерченные стрелки, выглядывающие из-под густых ресниц и привлекающие внимание ко взгляду. Прекрасница была похожа на фарфоровую статуэтку, прикрепленную к музыкальной шкатулке, потому что часто любила стоять у окна или сидеть в одной и той же позе, в ожидании чего-то или кого-то, возможно, своего кукловода, пока её кружила жизнь.

Девушка часто молчала и слушала тиканье часов, наблюдая за движением золотых стрелок. Ей казалось, что это занятие определённо наполнено глубинным смыслом, правда, суть которого она уже долгое время разгадать не могла.

Её белоснежная кожа вот уже много лет не покрывалась морщинами, ссадинами или синяками и была безупречна.

А, подходя к гримёрному зеркалу, она смотрела на себя, как будто на кого-то другого: надменно, горделиво и всегда одинаково, точно понимая, что знает что-то очень важное, чего не знают другие.

В дверь постучали. «Голливудская кукла» развернула голову и медленно вытянула руку таким образом, что выплывающая кисть распустила веером пальцы, начиная с указательного, чтобы открыть дверь, но замерла в нерешительности...

Гном в коробке

В море начался сильный шторм, ветер разогнался не на шутку, и волны, обрушивающиеся друг на друга, достигали нескольких метров в высоту.

С берега не было видно ни кораблей, ни судов, ни лайнеров – лишь огромные голодные волны поглощали мерцающий маяк.

Ветер гулял и вдоль побережья, унося с мокрого песка оставшиеся следы. Семья, оставившая их, спешила домой – укрыться от разыгравшейся стихии.

Впереди взрослых наперегонки бежали две девочки. Их свободные комбинезоны болтались на ветру, надуваясь, как паруса; волосы «танцевали».

Мама в облегающем трикотажном сиреневом платье бежала за ними. Её длинные волнистые волосы были сплетены в косу. Игриво догоняя дочерей, она смеялась от радости, ведь им наконец-то удалось провести выходной всем вместе.

Позади быстрым шагом шёл задумчивый отец. Он был пилотом дирижабля, и любил свою работу. Даже сейчас он был одет в синюю форму, украшенную золотыми нашивками и пуговицами. Голову покрывала форменная фуражка. Он вспоминал детство и любовался женой и детьми.

Пилота звали Петр, его жену – Стефания, а детей – Роза и Вера.

Ветер не унимался. Они уже начали подниматься по склону вверх, как вдруг синяя фуражка отца сорвалась с макушки, покружилась в воздухе и улетела в кусты.

Вздвигнув, Петр схватился за голову руками, а дочери уже мчались за фуражкой, перегоняя друг друга.

Где-то вдали прогремела гроза, и пролетающая над ними чайка истерично прокричала в темнеющее небо.

Несмотря на приподнятое настроение, всем хотелось поскорее вернуться в уютный, тёплый дом.

Мокрые брызги с моря уже не облизывали шею, руки и другие открытые части тела холодными каплями, но начался дождь, который в любую минуту мог превратиться в ливень.

Трава пропиталась влагой мгновенно, и бегущая восьмилетняя Роза неуклюже поскользнулась и растянулась на траве, выставив руки вперёд, пытаясь ухватить фуражку. Она сильно поцарапала локоть и чуть было не расплакалась, поднимаясь с земли с фуражкой в руке – но внезапно заметила грязную коробку, лежащую на боку чуть поодаль в кустах.

Поднявшись с земли, Роза медленно подошла к невзрачному предмету. Ей стало вдруг очень любопытно, что там. Она села на корточки, и, взяв коробку в руки, приоткрыла ее. В коробке лежал игрушечный пластмассовый гном.

– Гномик! – радуясь находке, воскликнула девочка, забыв о свежей ссадине на руке и об отцовской фуражке.

Некогда яркого гнома, теперь измазанного глиной и тиной, очевидно, принесло море – но как он оказался так далеко от берега?

– Возможно, его притащила какая-нибудь большая собака, – подойдя, предположила её сестра, которая была старше Розы на целых два года. Вера заботливо отряхнула сестру и тоже стала рассматривать гнома, пытаясь угадать, откуда он мог появиться в этих кустах, и кому принадлежал раньше.

В игрушечном гноме было что-то необычное, и сёстры это почувствовали.

Если бы не сильный ветер, сгущающаяся тьма и надвигающийся грозовой шторм, девочкам, скорее всего, не удалось бы уговорить родителей разрешить им взять гнома домой. Тем идея не нравилась – наверняка тот, кто выбросил игрушку, просто поленился донести её до мусорной свалки. Впрочем, отец рассудил, что, если утром девочки отмоют гнома и выбросят коробку, он может остаться и жить на полке в их комнате, раз уж им так хочется.

Добравшись до дома, насквозь промокшие, замёрзшие и уставшие дети поставили коробку в углу у себя в комнате, чтобы с утра привести гнома в порядок.

Перед сном Роза и Вера по несколько раз проверили, на месте ли он, словно он мог убежать без надлежащего присмотра, как какой-нибудь непослушный котенок.

Через несколько часов ветер начал успокаиваться. Гроза прекратилась, море затихло, и теперь на чёрном ночном небе сияла полная кровавая луна.

Вера что-то проскулила во сне, и повернулась на другой бок.

Прошло ещё некоторое время.

Коробка зашуршала, засветилась янтарно-красным светом, крышка поднялась, и оживший гном выскочил наружу. Поправив свою шапочку орехового цвета, маленький сказочный человечек бодро прошёлся по дому, вернулся в детскую спальню и торопливо направился к окну, постукивая об пол своими грязными миниатюрными башмачками. Дойдя до стены, гном чихнул и, стряхнув с себя пыль и остатки тины, вскочил на подоконник.

Справился с фрамугой, и лениво зевнув, открыл окно и выпрыгнул в сад. Ему как можно скорее нужно было вернуться к берегу, пока кровавая луна еще висела в тёмном небе, ведь именно в эту ночь он мог переплыть огромное море и вернуться на свой корабль, чтобы поквитаться с молодым юнгой, выбросившим его за борт.

Наступило утро.

Первые лучи солнца коснулись детских кроватей и осветили стены.

Проснувшись первой, Роза сразу же подбежала к коробке. Но гнома в ней не оказалось. И тут она заметила следы крошечных башмачков, ведущие к подоконнику, и разбросанную тину.

Роза горько заплакала, прижав коробку к себе, тем самым разбудив Веру.

– Мы будем ждать твоего возвращения! – сказала Вера, подходя к окну и обнимая сестрёнку за плечи.

– Мы будем оставлять окно приоткрытым, обещаю! – тихо добавила Роза.

Роза и Вера стояли у окна, приветствуя новый день. Родители, видимо, еще спали – никто не звал их к завтраку, не было привычного запаха какао и сладких булочек с корицей. Утро пахло морем.

Старуха в серой шляпе

Я слышал о ней самое разное. Кто-то говорил, что она старая ведьма, злая тёмная колдунья, насылающая проклятья на целые семьи – другие же, напротив, уважительно величали её знахаркой и травницей, рассказывали, как однажды она помогла исцелиться от разных недугов. Но все же, жители Лютевилля не навевались без повода в её старый домик, что стоял совсем на окраине, близ леса.

Пожилую женщину в любое время года можно было узнать даже издали по большой серой шляпе с потрёпанными полями, из-под которой небрежно торчали седые кудри. Иногда показывающийся взгляд был тяжёлым, карие глаза слезились – скорее всего, от старости – а худощавое тело и лицо покрывали морщины, собираясь в области щёк, под тонкими губами, и на руках. Неизменные тёмные платья старухи, растянутые вязаные кофты и шерстяные платки были изрядно изношены. На одежде и в волосах часто болтались веточки, листики, и даже репей. Улыбку на её лице видели редко – но говорили, что зубы у неё кривые, жёлтые и страшные.

Старуха вела малоприметную жизнь. Она подолгу бывала в лесу со своей плетёной корзиной, собирала стебли и корни растений, ягоды и грибы, подбирала перья птиц, и, как говорили, даже трупы погибших зверюшек, ковырялась в огороде или варила новые зелья.

В людных местах она появлялась лишь изредка, по необходимости – я, бывало, видел её на продуктовых рынках по субботам – мои родители продавали там лучший в округе козий сыр и молоко. Она покупала все это у нас, мясо – у старого Альберта, а потом шла в другие ряды, где тоже что-то покупала – и всегда у одних и тех же торговцев. Я убегал из лавки и следовал за ней, как за гипнотизированным, но держался на приличном расстоянии или делал вид, что иду по своим делам – я знал, как важно оставаться незамеченным. Взгромоздив покупки на багажник видавшего виды велосипеда она спешила покинуть рынок до того, как он наполнится людьми.

То, о чём я хочу рассказать, случилось в середине сентября, после затяжного дождливого лета. Вернувшись после каникул у тёти в Добродоле, проведенных, по большей части, за книгами в её уютной гостиной, я понял, что соскучился по нашему мрачному городку – и по старухе в серой шляпе... Я не мог знать, пережила ли она лето – по моим подсчетам, она должна была быть невероятно старой – но ранним утром в субботу, по пути на рынок, я увидел знакомую растрёпанную фигуру, катящую скрипучий велосипед в сторону моста, после которого начиналась дорога к лесу. Я был рад. Мне тут же захотелось побольше разузнать о ней. Наверное, потому что, как и она, я был одинок, и у меня не было друзей, которые были рады моему возвращению. Мне стало любопытно, как она колдует, как насылает порчу.

В школе я никому не нравился и, наверное, поэтому, собираясь навестить старуху, я в первую очередь подумал, что надо бы попросить её научить меня различным заклинаниям. Я устал быть странным, никому неинтересным. Вдруг колдовство поможет мне казаться совершенно нормальным – или даже кому-нибудь понравиться? А может, старуха знает что-то такое, о чем я даже не догадываюсь, что сможет облегчить мое существование?

Мои родители много работали на небольшой ферме, что издавна принадлежала нашей семье, и им некогда было особенно следить за мной. Они знали, что Оскар – то есть я – мог бродить по Лютевиллю часами, когда не помогал им. Я знал о родных окрестностях практически всё. Не разрешалось мне уходить только к берегу моря, что находился на противоположной стороне от леса. Хотя и там я бывал, особенно по выходным. Мне нравилось уходить из дома совсем рано, и встречать там рассвет. Моя жизнь состояла из изучения всего вокруг. Я запоминал каждый куст, каждый дом, каждую могильную плиту на кладбище, шпалы на железной дороге, трещинки и сколы в причудливом каменном орнаменте фасада школьного здания, строгие контуры фабрики, дом семьи ювелиров, казавшийся мне дворцом... я заходил даже в больницу и наблюдал за выпиской пациентов. Я бродил и в других местах...

Но моим самым любимым местом был пруд, где я ощущал себя совсем безмятежно. Там я полностью успокаивался, глядя на тихую гладь воды, проплывающих мимо уток, и камыш, который можно было срывать, и, растерев пальцами его тёмно-коричневый бархатный кокон, пускать по ветру белый пух.

Вечером, прихватив простой дорожный рюкзак из плотной ткани, в котором лежала подаренная мне тётей плитка шоколада, старый фонарик и раскладной перочинный ножик, я направился к лесу.

Осенние листья покрывали холодную землю, а прелый запах вселял надежду на перемены к лучшему. Очень хотелось остановиться и попинать листья ногами, или повозиться в грязной земле палкой в поисках забавных улиток и червей. Но мой план, которым я был одержим со вчерашнего вечера, не давал мне свернуть с пути.

Темнело быстрее, чем летом, и нужно было спешить. Где-то через час я увидел целый горизонт из желтеющих деревьев.

Я размышлял, хватит ли мне вообще смелости заговорить со старухой – или же она найдет на меня какое-нибудь проклятье, не дав мне сказать ни слова.

Было немного жутко. Впрочем, Лютевилль – вообще немного необычное место, и тут, скорее всего, жутко и страшно бывает не мне одному.

Изгородь вокруг дома старухи была ветхая, и я без труда нырнул на территорию колдовского пространства, спрятался за яблонями, и, затаившись, стал наблюдать за огородом. Время шло, но никто не появлялся. Урожай был богатый – на грядках лежали тяжёлые кочаны капусты, крупные оранжевые тыквы, и другие поздние овощи. В лучах вечернего сентябрьского солнца всё казалось нарисованным. Я присел на корточки и задумался – есть ли душа у тыкв, или у капусты? Может, она заключена в кочерыжке? Я наклонился к капусте, будто видел кочан впервые в жизни. И в этот момент, что-то мягкое коснулось моей ноги, да так нежно, что я даже не испугался. Об мою ногу тёрся кот – наверняка именно тот, что жил со старухой в серой шляпе. Про него тоже говорили всякое. Кот оказался очень красивым. Песочный оттенок его шерсти завораживал. Живот и шея были белыми, а мордочка, лапы и хвост – с золотинкой. Над розовым носиком был тёмно-рыжий островок, похожий на крупную веснушку, и кончики ушей тоже были темнее – как у рыси.

Он смотрел на меня своими круглыми голубыми глазами, и я внезапно понял, что никогда прежде в своей жизни не видел кота милее. Я погладил его, и он, словно в ответ, провёл своим пушистым хвостом по моей руке. Это сделало меня очень счастливым.

Осмелев, я взял его на руки, и мы вместе заглянули в окно дома. Зелёные шторы были слегка отодвинуты, но свет в комнате не горел, и было уже слишком темно, чтобы что-то можно было рассмотреть. Входная дверь была заманчиво приоткрыта, да и я с котом на руках чувствовал себя храбрее, так что мы тут же вошли в дом. Только кот вошёл к себе домой, а я был незваным гостем. Первое, что я ощутил в темноте, был запах. Он не был жутким, похожим на запах разлагающегося трупа, а, напротив, отрезвляющим: пахло разными травами и лекарствами. Я включил свой фонарик, но где-то наверху, на чердаке, что-то хрустнуло. Мне и до этого звука было не по себе, но теперь я резко выключил фонарь, и, так и не успев ничего толком увидеть, кроме старинного сундука в прихожей, побежал прочь, что было сил. Мне казалось, что у выхода я услышал приближающиеся шаги, но я выскочил, не оборачиваясь, и, врезавшись в низко висящую ветку яблони, резко вылетел на дорогу и утонул в осеннем листопаде. Прилипшие к лицу листья мешали смотреть, но я бежал, как угорелый. Хотя вслед мне никто не кричал. Я оказался трусом.

Я вернулся домой.

Усталость навалилась на меня и придавила к кровати. Соседские собаки выли, не давая мне спать, как и смотрящая прямо мне в окно огромная бледная луна. Я постоянно ворочался, и не помнил, когда сон наконец принял меня в свои объятия...

...В этот раз кот не вышел поддержать меня, и мне ничего не оставалось, кроме как постучать в закрытую дверь. Я и сам был себе не рад.

Казалось, прошла целая вечность, прежде чем дверь, наконец, отворилась с приглушенным стоном. Старуха взглянула на меня из-под серой шляпы настороженно. Но затем, молча открыв дверь до конца, заковыляла в комнату – я зашёл следом за ней.

Старомодный абажур да керосиновая лампа высвечивали яркие пятна в полумраке. Высохшие половицы скрипели, как и моя душа. Из гостиной мы, не останавливаясь, прошли на кухню. На деревянных полках стояли баночки, пузырьки, и даже колбы с жидкой яркой консистенцией.

Она не задавала мне вопросов, и взгляд её уже не был озадаченным, точно она и так поняла, зачем я пришёл. Может, ей накануне рассказывал про меня кот, или же она прочла мои мысли – подумал я. И понял, что болен.

Согнутая старуха, крикнув, взяла прозрачный стакан и насыпала в него пару ложек изумрудного порошка. Цвет порошка показался мне каким-то неестественным. В доме было холодно, и я поёжился.

Пробормотав что-то, она добавила в стакан горстку какой-то измельченной травы. Я хотел было спросить её, что это, но передумал. Какая разница, если это может мне помочь. Затем она вскипятила воду в алюминиевом чайнике на старой газовой плитке с двумя конфорками, и залила ею смесь в стакане. Над ним поднялся пар, а кухню заполнил приятный аромат...

Рассматривать её дом можно было бесконечно.

Все, даже простые предметы, казались необычными; прозрачные сосуды, в которые были насыпаны яркие разноцветные порошки, все были причудливой формы.

Тут я заметил, что на столе чуть поодаль от меня лежит тыква, обмазанная, как и кот, которого я тоже только что заметил – он сидел тут же, шурясь и урча – какой-то изумрудно-зеленой жидкостью – а рядом, в рамках, стояли пожелтевшие от времени фотографии. На одной из них была запечатлена молодая девушка с копной пышных волос и тем самым котом на руках. Я было подумал, что это могла быть сама хозяйка дома в юности – но решил, что это невозможно. Потому что я совсем не был уверен, что коты живут так долго, и при этом даже не стареют.

Старуха отвернулась, расставила по местам ёмкости с травой и порошком, а затем придвинула мне остывающий отвар.

Наши взгляды встретились, и тут я заметил, что её глаза как-то дико смеются. Я сделал большой глоток, и будто начал гореть изнутри. Это было очень неожиданно. Тело мгновенно перестало слушаться, руки упали плетью, легкие пылали, но, обмякая на стуле, я ощутил легкую беззаботность и умиротворение. Всё было как в тумане.

...Пока старуха тащила меня в лес по терпко пахнущим листьям, устилающим холодную землю, кот бежал рядом.

Он тёрся об мое лицо своим пушистым золотисто-жёлтым хвостом до тех пор, пока мое тело полностью не погрузилось во что-то зыбкое и мягкое. Я поймал свой последний глоток воздуха; и успел увидеть мерцающую сквозь чёрные ветки бледную луну, на протяжении ещё нескольких мгновений где-то вдали выли собаки... Потом все стихло, и стало совсем темно.

Лучше бы я вообще не просыпался.

Принцы Лютевилля

Сквозь нескончаемые звуки ударов молотом о сталь красивый юноша в жёстком длинном фартуке пытался докричаться до своего брата-близнеца:

– Ты слышал? Сегодня в Лютевилль прибывает корабль! Корабль, Криус! Это означает, что мы наконец-то получим новые камни!

Брат, как обычно, делал вид, что не слышит его, сосредоточенно сравнивая две безупречно одинаковые на вид броши.

Семнадцатилетние брюнеты с голубыми глазами и яркими веснушками кофейного оттенка, золотистой россыпью покрывавшими их бледные лица, были зеркальным отражением друг друга.

Говорят, в ночь их рождения с неба упали две звезды и их родители загадали два противоположных желания.

Мальчиков прозвали «Принцами Лютевилля». Они были вторыми близнецами в истории рода Силверсмит, издревле известного в Лютевилле и за его пределами.

Свое имя род получил благодаря его родоначальнику, Доминику – серебряных дел мастеру, бежавшему из родной Испании в беспокойные годы Народного Возмездия после того, как неистовая толпа простолюдинов разворовала и подожгла его магазин.

Лютевилль был одним из городов, всегда дававшим пристанище пришельцам. И Доминик оказался настоящим везунчиком: его полюбила самая завидная невеста в городе, красавица Генриетта. В день свадьбы пара объявила о предании забвению испанской фамилии Доминика – Бланко. Теперь его звали Доминик Силверсмит.

А через год у пары родились мальчики-близнецы... Так началась история этого рода.

Дети, родившиеся в их семьях – внуки Доминика и Генриетты – были красивы и одарены различными талантами, как и их дети, и дети их детей. Но близнецы не рождались в роду еще четыреста лет.

Когда же на свет появились Криус и Ливий, в этом видели знамение все в городе.

Согласно старой семейной традиции, с малых лет мальчики работали вместе со старшими родственниками, и к семнадцати годам знали немало о ремеслах, которыми славился род.

Семья владела кузницей, гончарной мастерской, а также ювелирной и швейной фабриками.

Тогда небольшой портовый городок был загадкой для всего мира, считаясь одним из самых тёмных и таинственных мест на Земле, и удивительные вещи – работы Силверсмитов быстро полюбились местным жителям и заморским торговцам.

С тех пор прошло немало времени, город значительно разросся, но до сих пор легенды о диковинных ювелирных украшениях рассказывали даже самые маленькие мальчики и девочки.

Из близнецов Криус был волевым, независимым, самовлюбленным и проницательным. Каким-то непостижимым образом почти всякий в городе, не перечая ему и ни о чем не спрашивая, выполнял любые его пожелания. Юноша не привязывался ни к вещам, ни к людям, и всю пользу свою получал от своей красоты и умения расположить к себе людей. Последние из проявившихся у него способностей – контролировать и усиливать чужую боль и страхи, казалось, делали его ещё сильнее и влиятельнее.

Ливий же производил впечатление человека застенчивого, даже стеснительного. Трудно было поверить, что этот скромный юноша с легкостью может управлять мощными потоками ветра, вызывать и умирять бури и даже ураганы, успокаивающе действовать на людей и даже лечить прикосновением. Он единственный бывал способен утихомирить порой бесконтрольные потоки тёмной силы брата, подчас предотвращая беду.

Невзирая на столь разные характеры, братья были связаны невидимой нитью. Этого не мог отрицать даже Криус, хотя его гордыня и чувство собственного превосходства мешали ему согласиться с этим полностью. Особенно если братья спорили, или их мнения расходились вовсе.

У повзрослевших братьев отмечался недвусмысленный интерес к семейному делу, и оба молодых человека, обладающие утончённым аристократическим вкусом, на радость родителям плавно перетягивали управление на себя, контролируя многие вопросы, начиная с самых ранних процессов производства – закупки материалов, тканей, камней и инвентаря.

Криус и Ливий придумали, как совместить два направления, завершая образы готовых изделий из ткани красивыми брошами, подкалывая их в новых коллекциях на пиджаки и платья, возрождая легенду о силе диковинных украшений.

В тот вечер, когда на смену дождливому лету отчётливо зашестяла шелестящая осень, братья закончили работу и отправились на берег, чтобы скоротать ожидание прибытия корабля за игрой в карты. Ливий восторженно суетился, поглядывая на силуэт показавшегося из-за горизонта судна, пока Криус выигрывал третий раз подряд, предоставив Ливию возможность лишь в первой партии насладиться победой. Он любил его раззадорить...

И вот, под громкие крики чаек, случился тихий поцелуй судна с пристанью, мелодично залязгали цепи, и Криус лениво и как бы нехотя выкинул козырной бубновый туз на песок, забавляясь предсказуемым изумлением брата.

Пробиваясь сквозь сильный морской бриз и шумные возгласы прибывших и ожидающих людей, братья удостоились своей долгожданной посылки, продемонстрировав необходимые документы.

К повозке они понесли сундук вместе, уже молча – разговоры уже успели утомить их. Теперь каждый думал о своём. Когда они поднимались по склону вверх, Криус споткнулся о небольшую коробку, и, на мгновение остановившись, пнул её мыском ботинка. Покатившись вниз, коробка застряла в кустах. Криус лишь мельком взглянул на нее, ускорил шаг – сундук был довольно тяжёлый, и им нужно было идти нога в ногу.

Наступал вечер. Лютевилль мерцал в лёгком тумане сумерек. По пути их повозка поравнялась с колымагой старого Кита с железной дороги, который помахал им в знак приветствия, а рыжая девушка с фруктового рынка стремительно промчалась мимо них на велосипеде. При виде красавицы Клавдии оба молодых человека сильно смутились, и сердца их забились чаще. Ощувив волнение друг друга, Криус и Ливий по-сопернически переглянулись.

Ближе к Винной тропе повисший клочками туман, подсвеченный фонарями, окружил деревья и бронзовые домики. Ехать пришлось совсем медленно, чтобы кого-нибудь не задеть. Братья внимательно вглядывались в пространство перед собой и вокруг себя, и вдруг одинокая пожилая женщина в большой шляпе принялась переходить улицу прямо перед их повозкой. Они едва успели приостановиться, а она, как будто не заметив их вовсе, свернула в соседний переулок; за ней тащился туман, словно дрессированный, она исчезла из виду, и снова стало безлюдно.

Когда они добрались до шестого дома по улице Пелена, где располагалась одна из фабрик, и принялись рассматривать принесённый ими сундук, было уже совсем темно, и накопившаяся за день усталость давала о себе знать.

Деревянный сундук был довольно старым; от него исходил солёный запах моря. Верхний слой, когда-то покрытый узорами, был содран, а синяя шёлковая подкладка внутри потрепалась со временем, и стала блёклой.

Ливий вытащил несколько бархатных мешочков, лежащих сверху. Только эти два похожих друг на друга как две капли воды парня знали, что находится в этом сундуке.

Во множестве бархатных мешочков лежали самые разнообразные камни. Ливий аккуратно высыпал содержимое нескольких из них в отдельные чаши. Из первого появилась россыпь лазурита – или, как этот самоцвет еще называют, «камня неба», из второго – россыпь оникса. При виде чёрных камней Криус самодовольно улыбнулся. Из третьего мешочка перетекла радужная россыпь опала; из четвёртого – очень дорогой океанский жемчуг. Ливий безразлично зевнул. Ему никогда не нравился жемчуг. Пятый мешочек был наполнен рубинами. Они переливались, словно маленькие искорки огня; в шестом братья обнаружили сердолик. Красновато-розовые камешки напоминали маленькие осколки разбитых сердец. Когда же седьмой мешочек был опустошен, и в чаше появился изумруд, точно быстрый всплеск морской волны у самого берега, то один из камней, на вид чуть большего размера, чем остальные в россыпи, мгновенно приковал внимание близнецов, и оба протянули к нему руки. Юноши тут же ощутили, что камень стал горячим, и увидели, что грани его блестят. Камень словно проснулся и заговорил с ними обоими. По их телам разлилось тепло, и они испытали невероятный подъём, чувствуя, как увеличивается живущая в них неведомая им сила, и как оба они по волшебству сплетаются воедино... но наваждение прошло, не успев полностью овладеть ими. Тяжесть в руках отступила. Ливий понял, что дрожит. Внезапно само по себе распахнулось окно, и сильный поток ветра ворвался в помещение; дважды моргнула электрическая лампочка.

Криус оторвал руку от камня, и сияние прекратилось. Камень снова погрузился в сон. Молча подождав с минуту, он снова поднёс к нему руку. Его брат проделал те же самые действия.

– Никогда такого не видел. – взволнованно пролепетал Ливий.

Криус же казался невозмутимым. Он вышел, и спустя несколько минут вернулся с двумя почти завершёнными брошами, сделанными в виде миниатюрных ключей. Ливий уже видел их утром. Раздробив спящий камень на две равные части и тут же с легкостью проведя обработку, словно всё у них было подготовлено к такому процессу заранее, вставили их в броши, и одновременно коснулись их. Украшения засветились, и братьям показалось, что они слышат шёпот родителей, загадавших когда-то разные желания.

Проспав до одиннадцатого часа субботнего утра, Криус и Ливий отправились на рынок по просьбе матери. Близнецы часто одевались одинаково, и им доставляло несказанное удовольствие, когда прохожие и даже родные и знакомые путали их. В тот день они, не стовариваясь, надели недавно сшитые по их собственному замыслу костюмы, украшенные вышивкой тончайшей ручной работы: на жакетах, которые надевались на голое тело, без сорочки, красовались яркие птицы с синими и красными перьями, сидящими на причудливо изогнутых ветвях, а элегантно и нескромно вырезанные воротники были окаймлены золотыми нитями. Каждый наколол на свой жакет маленькую брошь-ключ с крупным изумрудом. Сами костюмы были двух разных оттенков серого – один – бархатисто-тёмный, как мостовая после дождя; второй – светлый, почти бесцветный, как пасмурное небо. И все равно никто не знал, кто из братьев Силверсмит в светлом, а кто – в тёмном. Прямые тёмные волосы обоих юношей торчали в разные стороны, растрёпанные ветром. На лицах играли довольные улыбки.

Походив между рядов – не столько для того, чтобы купить сыра и овощей по просьбе матери, сколько для того, чтобы насладиться восторженными взглядами и приветствиями горожан, братья выпили по стакану козьего молока, которые по обыкновению поднес им мальчик Оскар, сын фермеров, и свернули дважды налево, чтобы купить спелые персики у рыжей Клавдии.

Клавдия была старше близнецов лет на пять. Но это не мешало ей кокетничать с обоими. Её миловидность, выразительные глаза, рыжие кудри и фруктовый аромат духов сводили с ума не только двоих братьев, но и всех молодых людей из южной части Лютевилля, где она чаще всего проводила время, заглядывая в гости к замужней старшей сестре, с которой они любили пройтись по лавкам с безделушками.

Пошутив между собой о «персиках Клавдии», братья приблизились к её прилавку... и тут один из них неожиданно заговорил с ней, едва завидев её, даже не успев остановиться, как подобало представителю уважаемого в городе рода. Такого никогда раньше не происходило. Не дав опомниться брату-близнецу, юноша бойко пригласил её на свидание.

Звонко отсмеявшись от смущения, девушка покосилась на другого брата и увидела, как голубые глаза того потемнели то ли от злости, то ли просто от освещения, и лицо его как будто изменилось в гневе. Она слегка испугалась, но перевела взгляд на того, что пригласил её. Весь вид его говорил, что реакция брата его ничуть не смущает – если он вообще её заметил. Впрочем, какое ей было дело до того, который из них назначил ей свидание? Они всегда покупали у неё фрукты, и всегда весело шутили, но она никогда не задумывалась, кто из них, кто, и даже плохо знала их имена. Да это и не было важно – они оба были красивыми. Кокетливо сдвув несколько упавших на глаза рыжих пружинков, она широко улыбнулась ему, потеряла тряпкой прилавок, сделав вид, что раздумывает – и согласилась. Просияв, осмелевший юноша уверенно потянулся поцеловать её руку в знак благодарности, но внезапно ощутил сильный поток ветра, резко толкнувший его в спину, и обернулся. Лёгкие предметы, лежащие россыпью на прилавках, закружились в воздухе. И оранжевое предзакатное небо резко нацепило серую вуаль.

Он перевел взгляд на брата, но тот лишь улыбался. Рассерженное выражение лица сменилось игривым. Он вызывающе ухмылялся, приподняв бровь. Порывистый ветер стал превращаться в свирепую бурю. Молодые люди, позабыв про красивую девушку, которую сбила с ног пролетающая корзина, вцепились друг в друга взглядами. Вокруг уже носились в воздухе

сорванные крыши лавочек, красные ягоды градом обрушивались на людей, разрисовывая лица; стальные кружки и другая посуда били людей по головам, и те испуганно кричали, а песок из-под ног поднимался все выше и выше, закручиваясь в разрастающуюся воронку. С северной стороны пролетели какие-то коробки, а с южной, прямо над головами людей, неслись свежие морские рыбины, которые тоже засасывало в круговорот. Пахло влажной землёй, морем и свежим соком ягод.

Братья продолжали стоять у прилавка с рассыпанными персиками, не отрываясь глядя в глаза друг другу.

Жук скарабей и особый список

Мужчина средних лет стоял в ванной комнате почти раздетым. Толстые пальцы его бесформенной левой руки неуклюже держали зубную щётку; в правой руке была открытая коробочка с зубным порошком. Порошок и щётка никак не могли встретиться, чтобы поспособствовать надлежащему действию, потому что мужчина вот уже десять минут смотрел на своё отражение, не отрываясь, и с отвращением разглядывал каждую широкую складку розовой толстой кожи и отёчные мешки под чёрными глазами.

Возможно, это продолжилось бы ещё какое-то время – его зрачки уже начали системно сужаться и расширяться – но просвистевший на кухне жёлтый чайник вернул его мрачные мысли из путешествия по тёмному бездонному туннелю в бранный мир, в котором он снова мог что-нибудь съесть. Из его рта вырвался протяжный стон, словно отголосок только что просвистевшего чайника. Мужчина сжал зубную щётку с такой силой, что щетинки помялись и съехали в сторону. Устав стоять в одном положении, громадина перевалился с ноги на ногу. Воображение рисовало ему огромный бутерброд с куриной котлетой и помидорами. Слюноотделение усилилось... Ему казалось, что он чувствует запах котлеты из закрытого холодильника на кухне.

По гладкой поверхности туалетного столика, заставленного лекарственными тюбиками, медленно прополз большой жук скарабей, но мужчина, бросивший на него взгляд, вовсе не удивился. Чёрное матовое насекомое слегка блестело, а ножки со шпорами и тельце покрывали тёмно-коричневые пушистые волоски.

Человек вышел из ванной комнаты, оставив жука одного.

От яркого утреннего света, бившего в окна, жители Лютевилля неспешно просыпались. Это была среда.

Имя громадины, что стоял в ванной комнате, было Герман, но вот уже многие годы оно ни для кого не представляло никакой ценности. Каким-то чудом, Герману по-прежнему удавалось справляться со всем в одиночку, несмотря на внушительный вес, и даже ходить на работу. Но там, как и в других местах, люди сторонились его, заговаривая с ним лишь по острой необходимости, и вовсе не из-за грузного и дурно пахнущего тела, а из-за его пугающе-мрачного выражения лица. Его побаивались. Отвратительная гримаса не сходила с лица Германа из-за усталости, плохого самочувствия и ненависти к самому себе. Впрочем, другие люди ему тоже не доставляли радости. Единственным человеком, которого он когда-либо любил, была его покойная мать, научившая сына особому умению. Это умение было, пожалуй, единственным, что, помимо еды, доставляло ему удовлетворение и радость.

Мужчина положил в портфель чёрную тетрадь и несколько маленьких коробочек.

Не проходило и дня, чтобы Герман не услышал у себя за спиной шушуканье. Его называли «бегемотом», «вонючим бегемотом», «шаром», «чудовищем», и грубыми производными от слов, связанных с лишним весом. Со времён школы ничего не поменялось, и будто весь мир кружился, а Герман медленно полз, никак не подыхая, как какое-нибудь раненное животное.

«Бегемот» с трудом оделся. Пока он одевался, его тело вспотело, и он «закипел». Он часто злился и много ел; очень много ел.

Привычка злиться у Германа появилась с детства, с того момента, когда над ними начали смеяться из-за лишнего веса. Злоба разрушала его тело и душу. Но наступал новый день, и он снова и снова залезал в любимый холодильник с отломанной ручкой, чтобы получить удовлетворение одним из самых легких и доступных для него способов, заедая боль, злость и депрессию. Поев, он успокаивался, но лишь на время.

Как правило, «бегемот» начинал мечтать об окончании дня с самого утра. Под вечер его тело будто и вовсе ему не принадлежало, было лишним багажом – страшно ныло, болели суставы, мучили отеки, часто подступала тошнота. В особо жаркие дни он даже боролся с опрелостями, которые могли приводить к распространению инфекций. И это повторялось изо дня в день. И вес его только стремительно увеличивался. Больше всего на свете Герман боялся сокращения на работе и того, что он больше не сможет встать с кровати и самостоятельно себя обслуживать. Но все шло именно к этому – и к сокращению, и к лежащему образу жизни. Ходить ему становилось всё тяжелее, и он подумывал о деревянной клюке. Последний начальник – а они менялись подозрительно часто – делал ему множество замечаний и выговоров, предупреждая, что на него поступают жалобы из других отделов. Но Герману казалось, что все они лишь ищут повод, чтобы наконец-то выставить его вон. Чувство вины его никогда не мучало. Даже если он точно знал, что совершил ту или иную ошибку.

Плитка шоколада, лежащая на столе, манила его. Сладкое всегда поднимало ему настроение. Шоколад успел подтаять и приятно тянулся во рту; вкусовые рецепторы «бегемота» взорвали рот аплодисментами.

Иногда Герман плакал. Ему было очень себя жаль. Хромая под тяжестью своего сдавливающего веса, и преодолевая усталость, мужчина спустился по лестнице, тяжело дыша.

Душа, потерявшая резак, скулила, и он подумал, что среда – самый подходящий день, чтобы внести кого-нибудь в свой «особый список». «Громадина» стиснул зубы, и, преодолевая невероятный дискомфорт, вытер сальные светлые волосы рукавом безразмерной белой рубашки, на которой уже расплозились отвратительные желтые пятна.

Вспомнив про «особый список», грузный человек странно затрясся. Это был смех.

Наконец-таки добравшись до работы, «розовощёкий» занял свое место юриста-договорника в углу общего кабинета отдела и затаился. У него было большое удобное кресло, которое позволяло ему нормально сидеть, не испытывая никаких неудобств.

В тот день «бегемот» особенно разошелся, получив очередной выговор от начальника. Открыв свой тяжёлый кожаный портфель, он достал маленькую коробочку, похожую на спичечный коробок, и вздохнул. Ему надоело что-то доказывать начальнику, надоело сопротивляться. Он устал.

В коробке что-то заскреблось. Герман посмотрел на коробок, и глаза его заблестели. Он включил свою настольную лампу, достал чёрную тетрадь, перо и чернила. И вывел старательным мелким почерком новое имя и инициалы, а затем обернулся по сторонам. Несколько человек в паре метров от него шуршали в папках, и даже не смотрели в его сторону. Хищно облизнувшись от нахлынувшей его несказанной радости, он открыл коробок и выпустил жука скарабея на тетрадь. Тот на мгновение замер, а затем странно закружился на листке. На полях значилась отметка с номером страницы – «18». В коридоре кто-то испуганно закричал, но Герман сидел тихо, точно лишившись слуха. Жук покружился ещё немного, а крик в коридоре стал тем временем ещё истошнее. Звали на помощь. По звуку можно было определить, что кто-то упал без сознания на пол.

Скарабей качнулся и замер, а Герман беззаботно отломил от шоколадки ещё несколько кусочков и убрал жука в коробок.

– Вкусно. – подытожил Герман. В уголке рта красовалась шоколадная клякса.

Затем Герман снова улыбнулся, убрал чёрную тетрадь в портфель и встал с места. Нужно было положить конец этому затянувшемуся безобразию. При выходе из кабинета его задела

плечом Анита. Он слышал, что недавно она получила кольцо от успешного банкира и последние несколько недель только и делала, что болтала с коллегами о выборе свадебного платья. Но сейчас, её красивое лицо испуганно скривилось...

Горящие кружева

Этот день с самого утра нельзя было назвать тихим и спокойным – жителей Лютевилля разбудил чёрный зловещий дым. Едкий запах чего-то палёного разлетелся по окрестностям.

Дым гордо заявлял о себе, поднимаясь высоко в облака в сопровождении рваного треска и щелчков. Точно миллиарды гигантских недовольных насекомых вышли на импровизированную войну и уже готовились к нападению, наступая на сухие ветки.

Как выяснилось позже, в этот раз догорало кружевное ателье «Шантильи» на улице Судорога, принадлежащее Леди Адорэбелле Крокус. И загорелось оно ещё в предрассветной темноте.

Оно располагалось в отдельном строении рядом с аптечной лавкой и булочной со свежей ароматной выпечкой.

Запоздавшие бригады пожарных и полиции уже осматривали место происшествия, но спасти здание ателье было уже нельзя.

Почти у самого каменного крыльца, уцелевшего, как и камин с фундаментом, стояла красивая темнокожая женщина, выглядевшая абсолютно потерянной. Смахивая потоком катящиеся по лицу слёзы, она наблюдала за последними оживающими искорками в оседающих угольных руинах, совсем не похожих на её прежние владения. Она будто не замечала зевак, остановившихся посмотреть на пожарище. Словно в ответ на её тихие слезы, внутри обгорающей постройки что-то рухнуло. Из покосившегося окна вылетел чёрный кружевной лоскут, и, мягко догорая в воздухе, рассыпался, не коснувшись земли. Это было прощание.

Сердце Адорэбеллы сжалось.

В это время за её спиной стояли, что-то нашёптывая друг другу, трое с виду обычных незнакомцев в поношенной одежде с взъерошенными волосами. Переговаривались они очень таинственно, приставив ладонь к уху собеседника и прикрыв себе рот, и каждый передавал сказанное следующему.

Тушить было уже нечего, но толпа по-прежнему суетилась: поодаль от сгоревшей постройки возбуждённо кричали маленькие дети; взрослые же стояли с застывшими от досады или удивления лицами, или же тяжело вздыхали и охали, бросая сочувственные взгляды на Леди Адорэбеллу... Но больше всего в толпе было старушек: им некуда было спешить, и они шумно причитали, видимо, считая, что именно так им надлежит выразить своё сочувствие. Ни их фоне очень выделялась молчаливая пожилая женщина. Она была одета не по годам элегантно, и была очень статной. На ней было длинное платье с кружевным бантом, в ушах сверкали серьги – канделябры, абсолютно белые волосы были зачёсаны назад, а губы усердно намазаны сиреневой помадой. Народу было так много, что шепчущихся людей никто не замечал.

Их еле слышные слова – «она или он здесь», или «был/была здесь», разобрать было невозможно, окончательно растворились в необузданном всплеске восхищённых возгласов людей.

Появившаяся из ниоткуда, чудовищно – гигантская тень, заслонившая толпу, погрузила в сумрак и без того отнюдь не солнечный день, заставив даже ребятишек оторваться от своих игр возле аптечной лавки, и запрокинуть голову вверх. По небу свободно плыл, рассекая серые облака, величественный дирижабль бледно-голубого цвета, переливающийся перламутровым блеском, объятый как глобус меридианами и параллелями золотисто-бронзового оттенка, как и вся нижняя часть воздушного судна, похожая на лодку. Накрывая город своей тенью, дирижабль двигался из Лютевилля в столицу.

Как только величественное судно потерялось из виду и последняя, уже невидимая для глаз, искра из последних сил наполнилась огненным светом и потухла, из толпы выскользнула девушка в большой шляпе, почти закрывающей лицо, и в платье с длинным блестящим шлей-

фом, а за ней скрылся и господин Уилбер Силверсмит, известный владелец фабрик и мануфактур, но, дойдя до угла, они разошлись, и Уилбер направился в сторону пруда, небрежно размахивая перекинутым через руку плащом тёмно-охристого цвета, как огромным парашютом, сливающимся с первыми желтеющими листьями. Девушка же точно растворилась в остатках летящего дыма.

Через несколько минут мимо сгоревшей постройки проковылял толстяк Герман, бросив нарочито небрежный взгляд на Аниту, облачённую в женственный костюм земляничной расцветки и красную кокетливую шляпку с цветочком. Она занимала высокий пост в управлении компании, где он работал. Не встречаясь с ней взглядом и не здороваясь, он перекатился в булочную, непривычно пропитанную запахом гари. Анита, как и пожилая леди с фиолетовой губной помадой по имени Белинда Скотт, блондинка, которую все в городе знали под прозвищем Кукла – и многие другие – была клиентами «Шантильи». Кружево в Лютевилле было дорогим и очень модным; оно было востребовано среди невест, изысканных леди разных возрастов, и даже среди джентльменов. Многие лютевилльцы любили использовать в своей одежде элементы викторианского стиля, находя в этом особый шарм.

Кому же понадобилось поджигать единственное в городе кружевное ателье, так много значившее для его жителей?

Может, это была нелепая случайность, а может, и преднамеренный поджог. Но кто мог на такое пойти?

Этим вопросом задавались все присутствующие, в том числе и прибывший на место происшествия детектив Вилкинс. Он значительно покручивал усы и суетливо вертел тростью, всматриваясь в унылые лица полицейских. Многие из них недолюбливали его, нелестно называя занозой в заднице. Вилки и в этот раз никто не звал, и он прибыл исключительно из собственного интереса: он мечтал раскрыть какое-нибудь особо запутанное дело, и видел такую возможность в каждом происшествии. Уж очень ему надоело следить за неверными супругами и искать пропавших домашних животных.

Двумя днями ранее.

Напряжённая женская рука фарфорового оттенка с красным маникюром вальяжно отбросила белую атласную перчатку, похожую на свадебную, от себя в сторону.

Позолоченные солнцем светлые локоны Куклы – обладательницы перчатки – слегка приподнимались от сквозняка и мягко опускались на плечи.

Привыкшая очаровывать всех своей исключительной красотой и одурманивать магнетическим запахом с летучими феромонами, девушка была слегка чем-то озадачена, и даже нахмурила брови. Прикрыв глаза, она наслаждалась лёгкой прохладой, а в голове у неё крутилась навязчивая мысль.

Просидев ещё несколько минут в тишине, девушка надела своё любимое платье, и подошла к камину. Она распустила пальцы веером и провела ладонью над огнём. Огонь потух. Посмотрев на часы, девушка обулась и вышла из дома.

С каждым днём становилось все прохладнее. Лето, оставив пожар в душе, тихо ускользало.

Настоящее имя девушки, которую в Лютевилле называли – Кукла, было Кенна.

Она была актрисой, но мало кто знал о ней до тех пор, пока она не сыграла главную роль в звуковом фильме «Несуществующая пропасть», который и закрепил за ней это прозвище. А ради эпизода, где она долго смотрит на телефон, кряхтящий глухой звон которого заполняет гостиную, и наконец снимает трубку, говорит – «Да, это я, твоя кукла,» и звонко смеётся, люди снова и снова шли в кинозалы.

С недавних пор все мысли Кенны были лишь об одном из известнейших в городе людей – Уилбере Силверсмите. Точнее, о том, что он ей сказал.

Девушка открыла дверь и вышла на улицу.

Она шла так легко, что казалось, будто она вовсе не касается земли, медленно и уверенно с поднятой головой, придерживая шлейф платья в руке.

Завидев её, мужчины склонялись, как цветы, и снимали головные уборы в знак приветствия. Появившись на улице, Кенна не могла оставаться незамеченной.

По пути Кенне повстречался человек с загадочной улыбкой. Он был очень высок – метра два, не меньше. Человек стоял, прислонившись к фонарю, будто ожидая кого-то. Он привлекал внимание не только своим ростом, но и красивым клетчатом костюмом. В руках мужчина держал газету.

Оторвавшись от чтения, мужчина открыл портсигар, и, закулив, восхищенно посмотрел на проходящую мимо Кенну. Кукла улыбнулась ему, и он отправил ей вслед облачко сигаретного дыма. Неожиданно из неприметного серого громкоговорителя на соседнем столбе зазвучала музыка. Пространство заволочло звуками джаза и стука каблучков, бодро отбивающих степ. Высокий мужчина глубоко вздохнул, и снова расправил газету.

Проходя мимо книжного магазина, Кенна заметила, как какие-то мальчишки в буквальном смысле прилипли к окну, восторженно рассматривая детали ее блестящего платья. Её это немного позабавило. Улыбаясь сама себе, она свернула на соседнюю улицу, где её ждал автомобиль. Мистер Уилбер – а это был именно он – проворно выпрыгнул из своего форда, озираясь по сторонам, и помог даме элегантно усестись на пассажирском сиденье. Чёрная глянцева машина громко затарахтела, Уил что-то крикнул девушке, она расхохоталась, и они уехали, продолжая громко и весело переговариваться.

Дети в книжном магазине весело вертелись, ожидая, когда его хозяйка мисс Бамбл начнёт им читать. Они уже забыли, что всего несколько мгновений назад что-то высматривали на улице, прикинув к оконному стеклу.

Стоявший чуть поодаль высокий мужчина в клетчатом костюме озадаченно докуривал, разглядывая соседний столб, пока громкий спор проходящих мимо него молодых людей не заставил его встрепенуться.

Мямля

Это было давно...

В тот день, когда он появился в Лютевилле, как бельмо на глазу стареющего человека, среди бела дня, тёмное серое небо, обсыпанное пеплом и приправленное рваными кучевыми облаками, судорожно заплакало. Но не дождём.

Странный человек шёл, прихрамывая, по обнажённым улицам, еле переставляя ноги, пока по его шее, плечам, макушке вдруг не застучал ледяной град. Но вместо того, чтобы спрятаться от стихии, остановиться, он, точно феникс, воскресший из пламени, начал безумно кружиться, ощутив себя по-настоящему свободным. Град усиливался, а его радость, необузданная и яростная, не знала пределов.

– Мямля дома! – тихо и невнятно пролепетал мокрый человек с белоснежными волосами, бровями и ресницами. Его бледно-голубые, почти бесцветные глаза с красными прожилками, наполнились слезами... Слезами счастья.

– Мямля дома! – уже вызывающе, со скрипучим надрывом произнёс молодой человек по имени Олби (что значит – «белый»). Да, он был молод – но из-за его специфической внешности очень трудно было определить его настоящий возраст.

В серой дождливой массе, где-то вдали, возник силуэт. Но голодный, разбитый альбинос с множественными ссадинами на неестественно белой коже по всему телу, присел на колени и вознёс руки к небу. Он счел редкое природное явление знаком, которого так долго ждал от мира, от жизни, от вселенной... Развернув ладони, «мямля» поймал в ладони крупные гра-

дины, а затем долго и внимательно рассматривал их удивительные узоры, пока они не исчезли навсегда, не стекли по его пальцам, превратившись в воду. Его сухие, потрескавшиеся губы расплылись в улыбке; на нижней губе показалась маленькая струйка крови. Он выглядел как живой мертвец, как восставший из могилы зомби.

Зомби обессиленно опустил голову и согнулся, словно отдавая благодарный поклон.

Крупный град продолжал быть его по спине. Но пришелец уже ничего не чувствовал. Пройдя бесконечное количество дней пешком, останавливаясь лишь на короткий отдых и питаясь ягодами и растениями, белоснежный юноша потерял сознание в умиротворённом бессилии.

После града, «мямля» обнаружил себя лежащим на кровати в большом шатре. Где-то снаружи играла весёлая музыка и яркие лучи, проникавшие осторожно вовнутрь, освещали его лицо и рваные заношенные носки. В шатре было много необычных, таинственных вещей: гигантские пчелиные крылья, головные уборы с перьями, яркие костюмы, барабанные палочки, ещё какие-то приспособления... Альбинос повернул голову направо и заметил кота, который наблюдал за ним своими голубыми глазами и не шевелился, словно статуя. На носу у него красовалось пятно, похожее на большую рыжую веснушку. «Мямля» потянулся и очень тяжело встал с кровати. Ломило все тело. Желудок, казалось, начал поедать себя изнутри.

Выйдя из шатра, парень вздрогнул от неожиданного яркого солнца и закрыл лицо руками; несколько мгновений спустя, по привычке, осторожно отнял ладони – и не поверил своим глазам. Он был в настоящем цирке – а цирк он до этого видел всего лишь раз в своей жизни. Веселую музыку заглушали крики, брань и смех циркачей, рычание и писк животных, разгуливающих по территории или скрывающихся в клетках других шатров и вагонов.

Радясь нахлынувшим воспоминаниям детства, он снова растянул в улыбке сухие губы, и даже стонущий от боли желудок не мог помешать его счастью.

Навстречу Мямле летели огромные мыльные пузыри. Он был в восторге.

В тот день, случайно забредший в Лютевилль заплутавший путник Олби по кличке Мямля внезапно понял, что «нашёлся», что какая-то неведомая сила утешает его. Под стук падающих из густой чёрной тучи льдинок града он в одночасье обрёл дом, в котором никогда ранее не был, точно на шею ему повесили невидимый ключ на шнурке.

Каким-то непостижимым образом он понимал, что здесь ему не придется прятаться, что впервые в жизни он совершенно свободен, и может, наконец-то, выбрать себе занятие по душе. Никогда прежде он и мечтать о таком не смел. Там, где он вырос, над ним смеялись с детства – не проходило и дня, чтобы кто-то не задел его в школе или на улице. Кто-то сторонился его, кто-то толкал. Часто случалось Мямле попасть под чью-то горячую руку и получить незаслуженные тумаки.

Мямля перебивался случайными заработками. Никто не хотел иметь дело с альбиносом, который всё время что-то шептал или напевал себе под нос. Его родители и сёстры с братьями внезапно исчезли однажды накануне рождества, которое он встретил наедине со снегом, покрывшим все еще ярко-зелёную сочную траву, а к новому году пустой дом занял мясник Ангус, который только посмеялся над уверениями мальчика, что родные вернутся за ним. «Они продали мне дом, а заодно и тебя! Я дорого заплатил, а потому ты будешь работать у меня как шёлковый!» Олби ничего не оставалось делать. Издревле с замученными до смерти альбиносами совершались страшные ритуалы. Поверья были сильны даже теперь; на альбиносов охотились, а Ангус все же не давал мальчика в обиду, хотя и бил сам. Так прошло много лет. Олби удалось выжить и превратиться в худощавого добродушного юношу. Работать у мясника он ненавидел, но верил, что сможет найти счастье вдали от родных мест.

Набравшись смелости, он ушел в никуда. Так началась история его странствий. Он брался за любое дело, работал даже за крышу над головой, еду и поношенную одежду. Слабое зрение мешало ему найти дело по душе и обрести радость, которая никуда не денется. Да, именно этого он ждал от своей новой жизни. Он мечтал быть счастливым каждый день.

И теперь, оказавшись в ярком цирке, в незнакомом городе, с «невидимым ключом» на шее, он захотел остаться в нём навсегда...

Так и случилось. Мямля сразу полюбился жителям города, став одним из клоунов труппы. Олби сам придумывал себе номера и не боялся казаться смешным; смех людей доставлял ему радость. Обидное детское прозвище Мямля превратилось в озорной сценический псевдоним. Да он и сам не помнил, кто именно впервые назвал его так, и почему – наверное, из-за той самой привычки бормотать и напевать себе под нос...

В тот день снова пошёл град. Уже темнело, и жёлтые осенние листья шуршали на ветру где-то вдали. Белёсый Мямля, точно светясь в сумерках, сидел в красивом бирюзовом костюме, еще в гриме, на детской карусели вместе с другом, который много лет назад случайно нашёл его на улице без сознания, и принёс в цирковой шатёр на своих плечах. Они курили, почти не разговаривая. Самокрутки плохо раскуривались из-за сырости, но мужчины не спешили уходить. Лампочки на каруселях горели, звучала тихая мелодия, но лошадки и слоники стояли на месте... На мгновение стало необыкновенно тихо, и вдруг, с неба, вместе с комками мелкого града, им под ноги громким шлепком упала абсолютно белая ворона.

Олби слез с карусели и подошел к птице. Друг последовал за ним, но остановился немного поодаль. Мямля присел на корточки и наклонился над птицей. Она была мертва, клюв открыт, глаз, обращённый к ним – словно каменный. Вздохнув, он поднял белую ворону на руки, и, качая, словно младенца, тихо запел:

Он смотрит за нами, из кустов, за шатром,

Он повсюду, он знает, зачем мы живём...

– и вдруг уверенным движением подбросил мёртвую белую ворону вверх. Птица встрепнулась; во взгляде сверкнуло отражение лампочек, и словно под музыку детской карусели ворона полетела в просвет между деревьями, вольно махая крыльями.

Ни града, ни дождя уже не было, несмело показывались звёзды и Луна.

Олби радостно улыбался.

Его друг смотрел на него, дрожа то ли от холода, то ли от страха, с открытым ртом и смешно приклеившейся к нижней губе потухшей самокруткой.

Всею своё время

Красивая пожилая женщина по имени Белинда Скотт взбила подушки на заправленной кровати, распорядилась о подаче завтрака к назначенному времени, и, завершив свой утренний туалет, принялась гладить рабочую форму мужа – благородно синюю, местами отливающую небесной пылью, с золотыми нашивками. У неё было много помощников по дому, но этим всегда занималась она сама – и с огромной любовью. Пока они завтракали варёными яйцами, обжаренными в панировочных сухарях с фаршем, тостами и ароматным кофе, время от времени поглядывая на маленькие струйки дождя, сползающие по оконному стеклу, мистер Грег Скотт – пилот пассажирского дирижабля, приводящего в восторг многих, рассказывал жене о своём недавнем полёте в Париж, о необычных и интересных пассажирах, а потом, как бы невзначай, заговорил о пропаже его коллеги – Петра, с которым он работал бок о бок в течение нескольких лет.

– Мне казалось, у него прекрасная семья, чудесный дом, и он не планировал покидать Лютевилль...

– Может быть, что-то случилось? – предположила Белинда, и сочувственно вздохнула.

Жители Лютевилля слышали много необычных историй о своём городе, и сами замечали необъяснимые вещи, ставшие, как и сверхъестественные способности многих из жителей, довольно привычным явлением. Только вот причин их возникновения не знал никто.

Одной из таких странностей было некое возмездие. Сам город или кто-то в нём мог отомстить жителю, который, не найдя для себя место или занятие, стремился его покинуть. Уехать навсегда. Случалось, что такие люди теряли свою силу – или попросту исчезали... А бывало, в городе появлялись новые пришельцы, которые, несмотря на возраст и происхождение, обретали способности, коими не обладали до своего переезда в Лютевилль.

В этом необычном городе, где случались как чудесные, так и совершенно лютые вещи, часто остававшиеся без ответа, можно было заподозрить любого, и испортить отношения со всеми. Но этого не происходило – любые недоразумения чаще всего разрешались каким-то непостижимым образом, как будто сами собой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.